

**О ВОЗМОЖНОЙ ФУНКЦИИ ДЕНТАЛЬНОГО
РАСШИРИТЕЛЯ
(на примере отражения корней **meh*₁- и **med*-
в латинском языке)**

В статье рассматриваются свойства дентального расширителя в корне **med*- со значением «мера» путем противопоставления корней **meh*₁- и **med*- на основе подробного семантического анализа их дериватов в латинском языке. Высказывается предположение, что расширитель -*d*- является остатком дентального элемента суффикса отглагольных прилагательных. В праиндоевропейском от корня **meh*₁- могло образовываться отглагольное прилагательное на *-*to*-. В латинском языке корень **med*- представлял собой единую морфему. Слова, образованные от этого корня, получали значение использования инструмента, с помощью которого можно проводить измерение.

Ключевые слова: латинское и индоевропейское словообразование, расширитель корня, семантика производных от корней **med*-, **meh*₁-.

В данной статье рассмотрено предположение о функции дентального расширителя в корне **med*- со значением ‘мера’ на примере слов, образованных от него в латинском языке. Обнаружение отличий в семантике когнатов **med*- и **meh*₁- дало основания полагать, что корень без дентального расширителя, обозначающий процесс, при добавлении такого элемента принимает значение многократного повторения действия, связанного с «завершаемостью» исходного процесса. С точки зрения морфологии, такой расширитель мог являться остатком дентального элемента одного из суффиксов девербативов, вероятно, отглагольных прилагательных. След этого суффикса мог придавать новообразованным корням значение «имеющий свойства, налагаемые многократным повторением действия, обозначаемого исходным глаголом». В таком, застывшем, виде корень с расширителем распространился от доиндоевропейского состояния в отдельные языки, в частности, в латинский, и функционировал при словообразовании как единая морфема.

Попытки сопоставить корни **meh*₁- и **med*- с формальной точки зрения уже предпринимались. Так, Шарль де Ламбертери в статье «*Latin pignus et la théorie glottalique*» (de Lamberterie 1996: 145–149) обращает внимание на ступень огласовки корня,

долготу гласного и качество расширителя. Автор не ставит перед собой задачи рассматривать семантическую сторону вопроса и демонстрирует родство **meh*₁- и **med*- с точки зрения индоевропейской фонологии.

Необходимо все же подробно рассмотреть семантические различия дериватов этих корней. Принятое среди исследователей семантическое единство корней **med*- и **meh*₁- оказывается условным. Косвенным подтверждением этому можно считать многообразие дериватов **med*- в латинском языке по сравнению с ограниченным количеством слов, образованных от корня **meh*₁- – с точки зрения разнообразия семантики и числа лексических единиц.

**Meh*₁-

Корень **meh*₁- не нашел широкого отражения в латинском языке: он представлен глаголом *mētior* ‘измерять’ и приставочными образованиями от его основы презенса¹ и перфектного причастия *mēnsus*². В их семантике всегда прослеживается связь с измерением как процессом, и они не развили, по крайней мере, на италийской почве, абстрактных значений (OLD: 1105–1106). Глагол *mētior* Рикс предлагает реконструировать как деноминатив от **meh*₁-*ti*- со значением ‘мера’ (LIV: 425). Де Фаан приводит следующие индоевропейские когнаты: хетт. *mehur* ‘час’, греч. μῆτις ‘мудрость, способ’, др.-англ. *mæp*, санскр. *mita*, ст.-слав. *měra* ‘мера’, гот. *mel* ‘время, час’, др.-верх.-нем. *mal* ‘момент’ (De Vaan 2008: 373). Глагол *mētior* – депонентный и, как многие отложительные глаголы в латинском языке, является переходным и имеет активные значения.

Большую сложность представляет происхождение перфектного причастия *mēnsus*. Словарь Эрну-Мейе сообщает о существовании в более позднюю эпоху соответствующей формы *mētītus* (Ernout, Meillet: 401). Однако именно основа *mēnsus* с

¹ Cf. *admētior* ‘отмеривать’, *commētior* ‘обмерять’, *dimētior* ‘измерять’ (причастие *dimētiēns* структурно соответствует греч. διάμετρος, существительное *dimēnsiō* имеет значения ‘обмер’ и ‘пак’ – отмеренная порция), *ēmētior* ‘измерять, объезжать’, *permētior* ‘измерять, проходить’, *remētior* ‘снова измерять, снова проходить, снова обдумывать’.

² Cf. *immēnsus* (соотносится с ἀμέτρος) ‘неизмеримый, огромный’ (отсюда *immēnsūm* ‘неизмеримость, бездна’, *immēnsibilis* ‘неизмеримый’, *immēnsitās* ‘неизмеримость, безмерность’), *mēnsūrō* ‘измерять, обмеривать’ (*mēnsūrātor* ‘измеритель’, *immēnsūrābilis* ‘неизмеримый’, *commēnsūrō* ‘соразмерять’, *dēmēnsūrō* ‘отмерять’, *commēnsus* ‘соразмерность, συμμετρία), *mēnsūra* ‘измерение, мера, величина, характер’.

назальным инфиксом была продуктивна при словообразовании. Назальный инфикс был широко распространен в латыни, греческом и других индоевропейских языках; его наличие было типично для образования основы презенса. Он появлялся только перед конечным смычным основы обычно у активных переходных глаголов (Milizia 2004: 337–359). Но для основы презенса *mēti-* назальный инфикс не зафиксирован. Де Фаан предлагает объяснять *mēnsus* как образование по модели *pēndo* – *pēnsus* (De Vaan 2008: 373), однако против этой аналогии можно выдвинуть некоторые формальные аргументы.

В латинском языке классического периода не засвидетельствован глагол, в основе презенса которого не было бы назального инфикса, а в основе супина он был бы. Исходя из этого, можно сделать предположение, что *mētiog* имел назальный инфикс в основе презенса; при этом в корне, кончающемся на гласную после выпадения ларингала, мог бы уже на италийской почве появиться расширитель в виде **-d-*: **meh₁-n-ti-* > **me-n-d-ti-*. Такая основа презенса могла бы объяснить *-n-* в супине **me-n-d-t-us* с последующей ассимиляцией и упрощением геминаты: **me-n-t-t-us* > **me-n-s-us*.

*Med-

Когнатами латинских *modus* и *medeor*, восходящих к **med-*, являются умбр. *meřs* < **medos* ‘право’, оск. *meddiss* ‘судья’, арм. *mit-k* < **mēd-os-* ‘мысль’, греч. *μῆδεα* ‘решения’ (De Vaan 2008: 384–485; Ernout, Meillet: 408–409; Walde: 99–100). Слова, образованные в латинском языке от корня **med-* и получившие огласовку *-o-*, представлены как существительные, прилагательные, глаголы, наречия, частицы, союзы.

На праиндоевропейском уровне слово, отраженное в латинском языке как *modus*, должно было относиться к лептостатическому варианту акростатического типа. Можно предположить, что лептостасис развился из пахистасиса по правилу внутренней деривации (Николаев 2010: 294–299)³. Возможно, огласовка корня *-o-* в Nom. Sg. *modus* возникла в результате такого перехода в границах акростатического типа: слово **medos* имело огласовку **-e-* в форме Nom. Sg. и огласовку **-o-* в Gen. Sg., которая под действием внутренней деривации стала характеризовать формы Nom. Sg.; при этом в парадигме *modus*

³ Л. Г. Герценберг ввел термины для обозначения ступеней чередования (Герценберг 2010: 42–51).

произошло выравнивание огласовки корня в формах всех падежей. Для основы *med-es- (ср. прилагательное *modestus* < *med-és-to-s) можно говорить о протерокинетическом типе: для этого типа парадигмы характерно значение «то, что относится к исходному понятию». Огласовка -o- в *modestus*, по мнению Герхарда Майзера, закрепилась под влиянием огласовки корня в слове *modus* (Meiser 2006: 82).

Слово *modus* прошло процесс адвербиализации: так, в форме аблатива со значениями ‘как’ и ‘только что’, в генетиве со значением ‘некоторого рода’, в аккузативе с предлогом *prope* в значении ‘почти’. Многие из этих застывших форм могли иметь слитное написание – это свидетельствует о том, что с некоторого момента они существовали как отдельные лексические единицы: *admodum* ‘очень’, *dummodo* ‘пока не’, *omnimodo* (*omnimodis*) ‘всячески’, *praemodum* / *praemodo* ‘сверх меры’, *propemodum* ‘почти’, *quemadmodum* ‘как’, *quomodo* ‘как’. Застывшая форма аблатива *modo* могла также употребляться в качестве усилительной частицы и в качестве составной части сложного союза *non modo... sed/verum etiam...* со значением ‘не только..., но и...’ и двойного союза *modo... modo...* со значением ‘то... то...’, служащего для соединения нескольких позиционно разобщенных компонентов. *Modo* также употреблялся в качестве подчинительного союза со значением ‘только бы’, вводящего условные придаточные. При этом следует обратить внимание на то, что застывшая форма аблатива *modo*, употребляющаяся в качестве усилительной частицы или союза, существовала в текстах наряду с существительным *modus*.

Ману Лейманн указывает, что для основ на *-s- характерна замена огласовки корня *-e- на огласовку *-o- через выравнивание по основе слов мужского рода (Leumann 1977: 378). Он также предлагает восстанавливать *modus, moderis n. по аналогии с *pondus*, *ponderis* n.: от основы *modes- в таком случае образовались *moder-are* и *modes-tus* (из *medes-to-, которому формально и семантически соответствует умбр. *mersto-*)⁴. Однако в латинском языке не засвидетельствовано других примеров перехода, подобного **moderis > *modi*. Даже если предположить, что **moderis приняло вид *modi* после образова-

⁴ Лейманн также приводит прилагательные *honestus*, *iustus*, *scelestus* в качестве доказательства того, что прилагательные, образованные с помощью суффикса -to- от основ на -s сохраняют это -s- перед суффиксом (Leumann 1977: 381).

ния глагола *moderor*, это существительное было бы засвидетельствовано в одной из форм III склонения, однако этого не произошло⁵.

Внутренняя форма слова *modus* может быть восстановлена через наблюдение за разнообразием его контекстуальных значений. В его семантике и в семантике его дериватов сохраняется значение меры как некоторой емкости, мерки, в которой помещается необходимое и достаточное количество, например, сыпучих тел (как само слово *modus*, так и образованное от него слово *modius*, обозначающее меру сыпучих тел, соотносимо с греч. μέδιμνος, также возводимым к корню *med-). Значения ‘размер, длина, пропорция’⁶ связаны с использованием в процессе измерения некоторого условного стандарта. Технические значения, которые приобретает *modus* в контекстах, повествующих о музыке, поэзии и правилах риторики, вероятно, происходят из представления о повторяющемся приложении одной и той же мерки, точнее, того, что в эту мерку было помещено: гармонизированный музыкальный или словесный рисунок, период, при повторении создающий мелодию, ритм.

⁵ Необходимо также рассмотреть следующее объяснение. Генерализация огласовки *-o-* могла произойти на первом этапе процесса, который принято описывать как лексическую диффузию (Phillips 2006: 95). Можно предположить, что благодаря более частому употреблению слов с корнем *mod-* в более широком ряде контекстов когнаты развили богатую семантику, в действительности отошедшую от набора значений слов, сохранивших огласовку корня *-e-*. Так, глагол *medeor* засвидетельствован в литературных памятниках I века до н. э. – I века н. э. около 90 раз, так что степень его распространения нельзя назвать высокой. Разнообразная частеречная принадлежность и широкое применение слов, образованных от *modus*, в большей степени, чем фонетические условия, сделали возможным закрепление огласовки *-o-* в словах, имеющих семантику ограничения (Phillips 2006: 9, 25). С этим связано развитие абстрактных значений, свойственных понятиям этической сферы, для слов, образованных от *modus*. Однако принять объяснение закрепления огласовки *-o-* в корнях слов со значением ‘соответствие условной мере’ > ‘ограничение’ только через процесс, называемый лексической диффузией, не представляется убедительным. Во-первых, частотность слов не всегда влияет на распространение и закрепление той или иной огласовки. Во-вторых, огласовка корня в дериватах *modus* не могла быть иной, а для самого *modus* с целью объяснения огласовки следует учитывать скорее лептостатический тип парадигмы, чем широкую частеречную принадлежность.

⁶ *Ipsi numerumque modumque / carinis praecipiant* (Verg., Aen., 11, 328): ‘Пусть они укажут число и размер кораблей’.

Образованное от *modus* с помощью уменьшительного суффикса существительное *modulus* употребляется чаще всего в значениях, связанных с техническим применением меры: в архитектуре, поэтике и музыке (как мера времени, интервал), а также в инженерном деле⁷. Идея повторяемого стандарта объясняет употребления *modus* в значениях ‘метод, способ’. Представление об условной одинаковой мерке объясняет и дальнейшее расширение семантики *modus* – до значений ‘предел, граница’⁸ и шире, ‘должная мера, которую нельзя превышать’⁹: ‘избегание выхода за пределы’: ‘умеренность’. Абстрактные значения *modus* послужили основой для формирования семантики образованных от него прилагательного *commodus* ‘надлежащий, удобный, услужливый’ и глагола *moderor* (и далее – его дериватов), употреблявшихся в том числе для указания на этическую оценку (OLD: 1121–1125).

Семантика когнатов прилагательного *commodus* определяется общим значением сближения, характерным для приставки *con-*. Семантическая связь между ‘умеренностью’ *modus* и значениями *commodus* может быть объяснена идеей соразмерности, ‘подходящести’, годности, откуда и образовался глагол *commodo* ‘одалживать, оказывать услугу’: *Homo vitae commodatus, non donatus est* (Syr. Sent., 18): ‘Человеку жизнь одалживается, а не дарится’.

Образованный от *modus* с учетом чередования **modos*/*-*es* глагол *moderor* в большинстве случаев засвидетельствован как отложительный. Депонентность *moderor* можно связать с его семантикой, описывающей деятельность, имеющую отношение к сдерживанию (Lindsay 1895: 95). Так, Цицерон употребляет этот глагол, когда речь идет об «умерении», регулировании, сдерживании, в том числе в отношении временных рамок: *Sentio, iudices, moderandum mihi esse iam orationi meae fugiendamque vestram satietatem* (Cic., Ver., II, 3, 103): ‘Понимаю,

⁷ *Cuius moduli unius erit classitudinis columnarum* (Vitr., 3.3.7): ‘По ширине колонны будут в один такой модуль’. Модуль здесь обозначает блок, созданный с помощью одинаковой (или одной и той же) меры.

⁸ *Quis modus tibi exsilio tandem eveniet, qui finis fugae?* (Pl., Merc., 652): ‘Каков будет предел твоему изгнанию, каков конец бегства?’

⁹ *Illis ira modum supra est* (Verg., G., IV, 236): ‘Их гнев превосходит меру’. *Est modus in rebus, sunt certi denique fines, quos ultra citraque nequit consistere rectum* (Hor., Serm., I, 1, 106): ‘Есть мера в вещах, есть, наконец, четкие границы, по обе стороны которых не может находиться правильное’.

судьи, что мне уже следует умерить (сдержать) мою речь и не допустить вашей пресыщенности’.

На примере дериватов глагола *moderor* можно проследить следы сохранения его семантической связи с *modus*. Так, *moderatio* имеет отношение как к физическому сдерживанию (голоса, тела), к налаганию границ ‘ограничивание, обуздывание’ > ‘управление, руководство’, отмериванию и разделению ‘соразмерность, пропорциональность’, так и к этической оценке ‘умеренность, способность к самообладанию’ (OLD: 1121–1122).

Si meam cum in omni vita tum in dicendo moderationem modestiamque cognostis... (Cic., Phil., II, 10, 9): ‘Если вы знаете о моей умеренности и сдержанности как во всей жизни, так и в речах...’

Moderatus означает ‘умеренный, благоразумный, спокойный’ (применительно не только к человеку) (OLD: 1122).

Valebis apud hominem volitantem gloriae cupiditate vir moderatus et constans, apud indoctum eruditus, apud generem socer (Cic., Pis., 59, 10): ‘Ты, человек сдержанный и постоянный, будешь иметь влияние над человеком, волнуемым жадой славы, ты, человек образованный, – над неучем, ты, тесть, над зятем’.

Кроме причастия *moderatus*, от *moderor* образовано также прилагательное *modestus* ‘умеренный, благоразумный, сдержанный, соблюдающий законы, послушный, благопристойный’ (OLD: 1122). Тесную семантическую связь с прилагательными *modestus* и *moderatus*, образованными от *moderor*, обнаруживает прилагательное, образованное напрямую от *modus*, – *modicus* ‘умеренный, средний, благоразумный, уравновешенный’ (OLD: 1123). От прилагательного *modestus* с помощью суффикса *-ia*¹⁰ было образовано существительное *modestia* ‘умеренность, самообладание, послушание, благопристойность, мягкость, своевременность’ (OLD: 1122).

Глагол *medeor* и его когнаты ограничены врачебной семантикой (OLD: 1087); объяснить пути развития этого значения от корня ‘мера’ возможно благодаря сохранению общего значения ‘принимать меры’ и ‘способствовать’. В архаической латыни, например, у Катона, глагол *medeor* употребляется в значении ‘лечить’; переносное значение *medeor* – ‘заботиться’.

¹⁰ Суффикс *-ia* использовался для обозначения отвлеченных наименований качества при образовании существительных от прилагательных (Тронский 2001: 355).

Анализ контекстов, обнаруженных в литературных памятниках I века до н. э. – I века н. э. показал, что глагол *medeor* употребляется в значениях, которые можно условно разделить на три группы: 1. «лечение телесных болезней или ран»; 2. «метафорическое излечение нетелесных болезней или ран»; 3. «улаживание ситуации», «помощь». Первый тип мы находим в большинстве контекстов, например, в трактатах и письмах Цицерона¹¹, в произведениях Лукреция Кара¹², Ливия¹³ и – наиболее часто – у Овидия¹⁴ и Варрона¹⁵. Метафорическое значение исцеления нетелесных болезней или ран можно наблюдать в контекстах, принадлежащих авторам, употребляющим *medeor* и в прямом значении; то есть семантика этого глагола претерпевала метафорический сдвиг параллельно с существованием употреблений в прямом значении. Метафорическое употребление может быть объяснено требованиями риторики и стремлением усилить эмоциональное воздействие речей: так,

¹¹ *Disouria tua mihi valde molesta. medere amabo dum est arche* (Cic., Ep. ad Att., X, 10, 3, 8) ‘Твоя дисурия меня очень огорчает, очень я бы хотел, чтобы ты лечился, пока только начало’.

¹² *Sed vel uti pueris absinthia taetra medentes / cum dare conantur, prius oras pocula circum / contingunt mellis dulci flavoque liquore* (Carus, R. Nat. I, 936) ‘Но или если ребенку лекари (букв. лечащие) гадкую полынь пытаются дать, прежде вокруг краев чашу обмазывают жидкостью сладкого и желтого меда’.

¹³ *Ipse Hannibal aeger oculis ex verna primum in temperie variante calores frigoraque, elephanto, qui unus superfuerat, quo altius ab aqua exstaret, vectus, uigiliis tamen et nocturno umore palustrique caelo grauante caput et quia medendi nec locus nec tempus erat altero oculo capitur* (Liv., Ab U. Cond., XXII, 2, 11, 2) ‘У самого Ганнибала с начала весны из-за сменяющегося жара и холода болели глаза; он ехал на единственном оставшемся слоне, который сильнее возвышался над водой, голова же (у него) была тяжелой из-за бодрствований, ночной влажности и болотного воздуха, и, так как не было ни места, ни времени для лечения, он ослеп на один глаз’.

¹⁴ *Quaecumque herba potens ad opem radixque medendi / utilis in toto nascitur orbe, mea est* (Ovid., Her. 5, 147) ‘Какая бы ни росла во всем мире трава или корень, имеющий силу в деле лечения, – она моя’

¹⁵ *Artificibus maxima causa ars, id est, ab arte medicina ut sit medicus dictus, a sutrina sutor, non a medendo ac suendo [...]: hae enim earum rerum radices, ut in proximo libro aperietur* (Varro, L. Lat., V, 93, 2) ‘Для (названий) ремесленников главным основанием является само ремесло, то есть от ремесла врачевания должен быть назван врачеватель, от ремесла изготовления сапог – сапожник, а не от (самого) врачевания и изготовления сапог: а корни же этих слов таковы – как будет показано в следующей книге’.

Цицерон говорит о «лечении» «ран» на «теле» государства¹⁶. Употребления в более общем значении ‘помогать’, ‘улаживать ситуацию’, ‘поспособствовать’ и – шире – ‘принимать меры’ засвидетельствованы в синхронии – также, например, у Цицерона¹⁷, а кроме того, у Цезаря¹⁸ и Вергилия¹⁹. Не следует рассматривать эти употребления как развитие нового значения, но скорее, как использование слова в более широком контексте: речь в этих случаях идет о налаживании разладившегося процесса, исправлении неблагоприятного или неудобного положения вообще. Для объяснения развития ограниченной медицинской сферой семантики слов, образованных от *medeor*, Э. Бенвенист предлагает такую логическую последовательность: лекарь должен «ввести порядок в беспорядок», «подчинить расстроенный организм известным правилам»; то есть значение «исцелять» является вторичным по отношению к «лечить согласно правилам» (Бенвенист 1995: 317–318). Тем не менее, на материале латинского языка классического периода не представляется возможным продемонстрировать такое развитие. Исходным и основным значением является ‘лечить’, в синхронии наблюдаются употребления в метафорическом значении в ситуациях, не относящихся непосредственно к врачебной деятельности. Это можно считать скорее расширением сферы употребления слова, но не изменением его семантики.

Фреквентатив *meditor* имеет более отвлеченные значения: ‘обдумывать, размышлять, упражняться, изучать, наигрывать, напевать’ (OLD: 1090). Вероятно, значение ‘обдумывать’ развилось из ‘постоянно заботиться’ > ‘делать предметом

¹⁶ *Mihi autem hoc propositum est ostendere, omnia consilia P. Sesti mentemque totius tribunatus hanc fuisse, ut adflictae et perditae rei publicae quantum posset mederetur* (Cic., Sest., 31, 8) ‘Но мне предстоит показать, что все решения Публия Сестия и смысл всего трибуната в том, чтобы он вылечил израненное и погубленное государство, насколько сможет’

¹⁷ *Huic pro se quisque nostrum mederi atque hoc omnes sanare velle debemus* (Cic., L. Agr. 1, 26, 15) ‘С этим (злом) каждый из нас сам по себе должен разобраться и все мы должны желать излечить его’.

¹⁸ *Ad hunc modum distributis legionibus facillime inopiae frumentariae sese mederi posse existimavit* (Caes., BG, V, 24, 6, 2) ‘При таком расположении легионов он считал, что очень легко наладит недостаток провианта’.

¹⁹ *(Daphnim) talis amor teneat, nec sit mihi cura mederi* (Verg., Ecl., 8, 89). ‘(Дафниса) пусть держит столь великая любовь, и пусть не будет мне заботой помогать’.

постоянных размышлений'. Именно здесь (возможно, в латыни только здесь) мы находим связь со значением *med- 'думать', получившим отражение в греч. μήδομαι 'обдумывать', μήδεα 'решения', гот. *miton* 'думать, наблюдать', арм. *mit-k* 'мысль'.

Вероятно, глагол с корнем *meh₁- в праиндоевропейском образовывал прилагательное с помощью суффикса *-to-, а не другого суффикса отглагольных прилагательных, характерного для индоевропейских языков – *-no-. С помощью суффиксов, восходящих к *-to-, формировались фреквентативы, которые, по утверждению Ю. В. Откупщикова, образовывались именно от основы отглагольных прилагательных (Откупщиков 2005: 85–88). Суффикс *-do- также является древним суффиксом отглагольных прилагательных; он получил широкое распространение в балтийских и славянских языках, образовывая существительные как от глаголов, так и от других существительных. Учитывая, что в старославянском не различались индоевропейские *d и *d^h, можно заключить, что дентальный элемент, представленный в суффиксах отглагольных прилагательных, широко засвидетельствован во многих индоевропейских языках, а в латинском суффикс с дентальным элементом, восходящий к *-to-, и вовсе вытеснил все прочие (в том числе, *-no-) (Откупщиков 2005: 28; Leumann 1977: 611).

С помощью суффиксов с дентальным элементом образовывались многочисленные формы, помимо отглагольных прилагательных (которые в рамках латинского языка обычно называются перфектными причастиями). Среди них абстрактные отглагольные образования на -tū- (*scire* 'знать' – *scitus* 'мудрый'), в том числе сущин на -tum, причастия будущего времени на -tūrus, абстрактные существительные на -tūra (*nascere* 'рождать' – *natura* 'природа'), nomina agentis на -tōr- (*vincere* 'побеждать' – *victor* 'победитель'), абстрактные девербативы на -ti-, -tiōn-; кроме того, дериваты причастий на *-to-, а именно прилагательные на -ticius, -tīvus, -tilis и фреквентативы на -tāre (см. выше) (Leumann 1977: 614). В семантике как отглагольных прилагательных, так и сформировавшихся на их основе перфектных причастий просматривается значение «имеющий отношение к совершаемому/завершенному действию, обозначаемому глаголом». То же можно сказать об образованиях, имеющих абстрактное значение, и фреквентативах.

Отглагольные прилагательные обозначают свойство предмета, связанное с действием глагола; прилагательные, образовавшиеся от глагола с помощью суффикса *-to- имеют общее значение «претерпевший действие, обозначаемое глаголом». Формально следует избегать категории пассивности при трактовке семантики таких когнатов, но можно говорить о значении совершенного действия, многократно повторяющееся использование результатов которого приводит к формированию слов от корней с дентальным расширителем, следом архетипического праиндоевропейского суффикса отглагольных прилагательных.

Общеиндоевропейский смычный, обозначаемый как T, мог получить в суффиксе прилагательного, образованного от глагола с корнем *me_h1-, различные отражения. Выделяются корни *met- (не нашедший отражения в латинском языке) (LIV: 442), *med- (LIV: 423), *med^h- (NIL: 465): для первых двух в качестве значения указывается 'мера', последний имеет когнаты со значением 'средний'.

Шарль де Ламбертери приводит закон Любоцкого как возможное объяснение продления ступени в корнях *me_h1- и *med- (Lamberterie 1996: 137). Согласно этому закону, исчезновение ларингала происходит в том случае, если он стоит первым в группе трех согласных, второй из которых является звонким смычным (*ǎND+C > *ǎD+C). Также в статье «Latin *pignus* et la théorie glottalique» рассматривается предположение о компенсаторном удлинении при выпадении ларингала (*ǎND+V > *ǎD+V). Де Ламбертери указывает на возможность артикуляторной близости между ларингалами и звонкими смычными, которая могла бы объяснить выпадение ларингала в группе ND+C, но не NT+C (то есть эта закономерность не распространялась на ларингалы перед любым смычным, а только перед звонким)²⁰. В статье также высказано мнение, что процесс выпадения ларингалов в индоевропейских языках, кроме анатолийских, был сопряжен с деглоттализацией и озвончением согласных. Такое рассмотрение интересно с точки зрения развития индоевропейской фонологии, однако оно не учитывает семантических различий дериватов *me_h1- и *med- (такой задачи автор перед собой не ставил). Именно разная внутренняя

²⁰ При этом Де Ламбертери предполагает сохранение количества корневого гласного после выпадения ларингала перед группой «смычный + согласный» и удлинение перед группой «смычный + гласный».

форма, сохранение которой прослеживается на всей протяженности словообразовательных цепочек от каждого из двух корней в латинском языке и которая отражена в контекстных употреблениях, как представляется, дает основания считать, что оба эти корня вошли в латынь, будучи семантически различаемыми. Общее значение 'меры' нашло разное отражение в корне с дентальным элементом и в корне без такового.

Для индоевропейских языков характерно широкое распространение слов, образованных не от простых глагольных корней, существовавших в общеязыковом состоянии, а от глаголов, являющихся в свою очередь отыменными образованиями (ср. лат. *cano* > *cantus* > *canto*). Эти отыменные основы сохраняли значения простых глаголов и носили «ярко выраженный девербативный характер» (Откупщиков 2005: 111). Следовательно, в ходе развития отдельных языков глагольная семантика могла носить следы девербативности (как в случае рассмотренных отражений вариантов корня **me_h1-* в латинском языке, которым свойственна семантика «регулярности завершаемого действия»). Словообразование в таком случае происходило по следующей схеме:

Праи.-е. глагол > праи.-е. отглагольное прилагательное > праит. глагол, корень которого содержит след дентального суффикса > ит. именные образования от этого глагольного корня > лат. дальнейшие глагольные образования

Праи.-е. глагол с корнем **me_h1-* > праи.-е. отглагольное прилагательное **me_h1-To-* > праит. глагол с корнем **meT-* > ит. именные образования от корней **med-* > лат. *medeor*, *moderor*.

Литература

- Benveniste, E. 1995: *Slovar' indoeuropeiskikh socialnykh terminov [Le Vocabulaire des institutions indo-européennes]*. Moscow: Progress-Univers.
- Бенвенист Э. 1995: *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс.
- De Vaan, M. 2008: *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, Boston.
- Ernout, A. Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris.
- Herzenberg, L. G. 2010: *Kratкое vvedenie v indoeuropeistiku [Short introduction to Indoeuropeistics]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Герценберг, Л. Г. 2010: *Краткое введение в индоевропеистику*. СПб.: Нестор-История.

- de Lamberterie, Ch. 1996: *Latin pignus et la théorie glottalique*. In: *Aspects of Latin. Papers from the Seventh International Colloquium on Latin Linguistics* / ed. by Hannah Rosén. Innsbruck.
- Lindsay, W.M. 1895: *A Short Historical Latin Grammar*. Oxford: Claredon.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: Beck.
- LIV – *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Unter Leitung von H. Rix ... bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert. 2001.
- Meiser, G. 2006: *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. 2. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Milizia, P. 2004: *Proto-Indo-European nasal infixation rule*. *Journal of Indo-European Studies* 32.
- Nikolaev, A. S. 2010: *Issledovanie po praindoevropeyskoy imennoy morphology* [*Studies in Proto-Indo-European nominal morphology*]. St. Petersburg: Nauka.
Николаев, А. С. 2010: *Исследование по праиндоевропейской именной морфологии*. СПб.: Наука.
- NIL – Wodtko D. S., Irlinger B., Schneider C. *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg, 2008.
- OLD – Oxford Latin Dictionary / Ed. P. G. W. Glare. Oxford, 1968–1982
- Otkupshchikov, Y. V. 2005: *Iz istorii indoevropeyskogo slovoobrazovaniya* [*On history of Indo-European word formation*]. 2. edition. St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University; Moscow: Academia. Откупщиков, Ю. В. 2005: *Из истории индоевропейского словообразования*. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия».
- Phillips, B. S. 2006: *Word Frequency and lexical diffusion*. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan.
- Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obshcheindoevropeyskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstruktsii)* [*Historical grammar of Latin. Common Indo-European linguistic status (problems of reconstructing)*]. 2. edition prepared by: A. V. Grosheva, N. N. Kazansky, M. L. Kisilier, E. R. Kryuchkova, N. N. Nadel, A. I. Solopov / Ed. By N. N. Kazansky. Moscow: Indrik.
Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Изд. 2-е дополненное подготовили: А.В. Грошева, Н.Н. Казанский, М.Л. Кисилиер, Е.Р. Крючкова, Н.Н. Надель, А.И. Солопов / Отв. ред. Н.Н. Казанский. М.: Индрик.
- Walde, A. 1938: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 2. Aufl. / Von J.B. Hofmann. Heidelberg.

I. D. Popova. Function of the dental root extender (based on the reflection of PIE *meh₁- and *med- in Latin)

The difference in semantics of the cognates of the PIE roots *meh₁- and *med- ‘measure’ has been hardly addressed in Indo-European studies.

Yet, the meanings developed by these cognates, at least, in the Latin language, attest two semantic directions, taken by the two groups of words. This article examines a function of the dental root extender in *med-.

The words derived from *med- in the Latin language preserve the meaning of 'measure' as of a certain prototypical standard, a «container» which can «hold» a necessary and sufficient quantity. This inner form is reflected in the usage of the word *modus* and its derivatives, which keep the idea of «the right measure, which can't be exceeded» : «avoidance of exceeding the limits» : «moderation».

The verb *medeor* and its derivatives are semantically restricted to medicine, nevertheless, it is possible to explain the development of the meaning from the initial 'measure' through «taking measures».

The root extender -d- might come from one of the deverbative suffixes (possibly, verbal adjectives). A verb with the root *meh₁- (attested in Latin only through prefixal formations from the verb *metior* and its supine *mensus* and preserving the meaning of 'process of measuring') in PIE could have formed its adjective with the suffix *-to-. This formation could have had the meaning of a completed action, the repeated use of the results of which has led to forming of the words with the extended root. The root *med-, thus, came into the Latin language as a fossilized morpheme.

Keywords: Latin and Indo-European word formation, semantics of word formation, root extender, root *med-, root *meh₁-.